

Когда Сун Чжи опустился на колени, атмосфера в кабинете вновь стала тягостной. Улыбка Мэн Хуаня погасла. Не удостоив его даже взглядом, он склонился над столом и принялся за каллиграфию.

— И что это значит? — бросил он, не отрываясь от бумаги.

Сун Чжи хранил ледяное молчание. Мэн Хуань небрежно махнул рукой.

— Раз уж тебе так нравится стоять на коленях — воля твоя. Не смей подниматься, пока не пройдут сутки.

Закончив фразу, он позвал Цино. Указав на листы, исписанные рукой Чомань, он распорядился:

— Прибери здесь.

Цино, увидев неподвижную фигуру Сун Чжи, лишь безмолвно покачал головой. Мэн Хуань редко обходился с прислугой сурово, и то, что Сун Чжи ухитрялся доводить хозяина до белого каления едва ли не каждые несколько дней, было своего рода талантом. Истинное воплощение принципа «пока дышу — ищу на свою голову бед».

Разумеется, Цино не собирался проявлять благородство и просить за наказанного. Не подливать масла в огонь — и то уже немалая заслуга перед собственной совестью.

Сун Чжи понимал: Мэн Хуань намеренно унижает его. Он хотел, чтобы другие видели, как гордый ученый склоняется перед ним в рабской покорности. Тот прекрасно знал, что для Сун Чжи это самая нестерпимая пытка из возможных.

Цино нарочно медлил. Проходя мимо Сун Чжи, он замедлял шаг, одаривал его мимолетным, пренебрежительным взглядом и лишь потом шел дальше. Когда слуга наконец закончил и вышел, Мэн Хуань взял книгу и сел рядом. В тишине кабинета звук переворачиваемых страниц казался оглушительным.

Так прошло время до самого полудня. Мэн Хуань поднялся и ушел обедать. Сун Чжи остался один — на коленях.

Днем Мэн Хуань заглядывал в кабинет еще пару раз, но полностью игнорировал Сун Чжи, словно того вовсе не было в комнате. Не евший с утра, пленник чувствовал, как костенеют суставы, а в животе нарастает томительная резь. Он знал: тот ждет мольбы о пощаде. Но он решил: скорее умрет на этом месте, чем выдавит из себя хоть слово просьбы.

С этой мыслью он наблюдал, как гаснет день. Сначала колени пронзала острая, как иглы, боль, затем ломота охватила все ноги. Он не смел пошевелиться, и со временем терзающая боль

сменилась онемением. Когда сумерки окончательно сгустились, Сун Чжи уже почти не чувствовал нижнюю половину тела, а голод перешел в тупую пустоту.

Каменные плиты пола были холодными и жесткими — точь-в-точь как земля на тракте в уезде Пуцзян в тот день, когда не стало Ли Ханьсу. Тогда сеял мелкий дождь, делая мир вокруг серым и безнадежным. Сейчас же не было ни дождя, ни ветра, ни снега. В погруженном во тьму кабинете не осталось ни искры света, лишь бледный луч холодной луны косо падал в комнату, серебра прописи на столе Мэн Хуаня и корешки книг на полках.

Сознание Сун Чжи начало путаться.

«Почему я не умер тогда вместе с матерью?» — пронеслось в голове. Южная Сун пала, его близкие сгнули в пламени войны. Почему же он один до сих пор влачит это существование?

— Сун Цзилань, — раздался за спиной негромкий, ровный голос.

Сун Чжи вздрогнул. Осознание пришло не сразу — это был Мэн Хуань. Пленник, не пивший ни капли за весь день, разомкнул сухие губы, но голос едва повиновался ему:

— Я здесь.

Мэн Хуань опустился в кресло перед ним. Заметив, что за столько часов тот ни разу не переменил позы, он невольно нахмурился. Откуда в этом человеке такая фанатичная упрямость?

— Вставай и проваливай, — бросил Мэн Хуань.

Сун Чжи вскинул на него взгляд, но не шелохнулся.

— Что, — раздраженно бросил офицер, — хочешь продолжать?

— Не могу... подняться, — прошептал Сун Чжи.

Мэн Хуань перестал мерно постукивать пальцами по столу.

— Помоги ему встать, — приказал он Цино.

Слуга, превозмогая недовольство, поставил лампу и протянул Сун Чжи руку:

— Ну же!

Тот помедлил, а затем ухватился за рукав Цино. Он попытался двинуть ногами, но те казались чужими — одеревеневшими и лишенными сил. Сун Чжи едва не рухнул обратно, навалившись всем весом на слугу. Цино приложил немало усилий, чтобы удержать его, и с трудом подавил желание закатить глаза.

Мэн Хуань молча наблюдал за ними. Ему стало ясно: Сун Чжи скорее примет смерть, чем станет заискивать. Офицер досадливо махнул рукой:

— Отведи его обратно. И вели согреть ему ноги, а не то калекой останется.

Зима в Даду была не чета мягким холодам Линьаня — морозы здесь стояли лютые. Сам Мэн Хуань привык к стуже, и в кабинете даже не зажигали жаровню, но Сун Чжи был иного склада. Просидеть день на ледяном полу без последствий он не мог.

— Следующие пару дней отдыхай, в кабинет не приходи, — добавил Мэн Хуань.

Сун Чжи шевельнул губами, но сил на ответ не осталось. Он просто позволил Цино увести себя. Ноги волочились по полу, слуга помогал неохотно, но Сун Чжи за весь путь не издал ни звука. Глядя им вслед, Мэн Хуань ощутил прилив необъяснимой злости.

«Бывают же такие твердолобые люди», — подумал он.

Мэн Хуань полагал, что после вчерашнего Чомань оставит свои каллиграфические амбиции, однако на следующее утро она явилась вновь. Впрочем, толку от этого было мало: Сун Чжи не вышел.

Не обнаружив учителя в кабинете, девушка удивилась и потребовала объяснений. Мэн Хуань ответил уклончиво:

— Он занемог.

Ему совсем не хотелось посвящать ее в подробности вчерашнего наказания.

— Заболел? — всполошилась Чомань. — Вчера же был в порядке. Какие эти ханьцы все-таки хилые!

Мэн Хуань лишь неопределенно хмыкнул. Чомань надеялась, что Хацзиэр поиграет с ней, но тот погрузился в письмо с таким рвением, будто мир вокруг перестал существовать. Девушка принялась в задумчивости тыкать кистью в бумагу, а когда испортила третью по счету — швырнула ее на стол.

— Раз он болен, я пойду его проведаю! — И прежде чем Мэн Хуань успел вставить слово, она вихрем вылетела из кабинета, направляясь к жилым постройкам.

Флигель, где жил Сун Чжи, вызывал у Чомань брезгливое любопытство — она отродясь не заходила в комнаты слуг. Поскольку докладывать о визите было некому, она принялась колотить в дверь так, что та едва не слетела с петель:

— Сун Цзилань, открывай! Я пришла тебя навестить!

Ответа не последовало. Когда рука уже начала ныть от ударов, Чомань огляделась и заметила щуплую девушку-служанку с веснушками на лице.

— Ты! А ну иди сюда.

Ацила еще вчера слышала, что Сун Чжи снова разгневал хозяина. Все утро она искала повод заглянуть к нему, но боялась попасться на глаза. Появление Чомань напугало ее до смерти, и спрятаться она не успела.

Дрожа всем телом, Ацила подошла к госпоже, боясь, что та спросит, почему она ошивается у чужих дверей. Но Чомань это не заботило. Она ткнула пальцем в дверь:

— Зайди и посмотри, что с ним.

Ацила покорно постучала:

— Господин Сун, вы слышите? — Она позвала еще несколько раз, но в ответ царила тишина. Почуввав неладное, девушка толкнула дверь. — Госпожа, заперто изнутри. Не войти.

Чомань нахмурилась:

— Заперто? Он что, нарочно прячется? Не хочет учить меня писать? — Эта мысль показалась ей вполне логичной. Недолго думая, она кликнула рослого охранника, проходившего мимо: — Выбей дверь!

Слуга и Ацила переглянулись. Ослушаться Чомань было страшно, но еще страшнее — прогневить Мэн Хуаня.

— Чего застыл? — прикрикнула девушка. — Я сама поговорю с Хацзиэром. Выбивай!

Слуга глубоко вздохнул, собираясь с духом. Он украдкой взглянул на Ацилу; та едва заметно кивнула и бросилась прочь — звать на помощь. Чомань даже не обратила на нее внимания.

— Хэй! — охранник с силой плечом ударил в створку. Дверной засов с треском лопнул, и обломки посыпались на пол.

— Иди проверь, там ли он, — велела Чомань.

— Слушаюсь.

Комната была крохотной и просматривалась насквозь. Охранник сразу заметил на кровати фигуру. Подойдя ближе, он увидел, что Сун Чжи лежит, разметавшись, его лицо пылало нездоровым румянцем, а дыхание было прерывистым и тяжелым. Слуга коснулся его лба — кожа была обжигаяще горячей.

— Госпожа, Сун Цзилань в беспомощности. Жар очень сильный, — доложил он, выйдя наружу.

Чомань вскинула брови:

— В самом деле болен? Да что с ним такое... Почему к нему никто не прислал лекаря?

Слуга промолчал. Без приказа Мэн Хуаня никто бы не посмел вызвать врача к простому пленнику.

В этот момент в дверном проеме показался сам хозяин усадьбы. Слуга низко поклонился:

— Приветствую молодого господина.

Чомань тут же повернулась к нему:

— Хацзиэр, почему Сун Цзилань болен, а ты не зовешь лекаря?

Мэн Хуань помрачнел и молча вошел в комнату. Чомань последовала за ним. Маленькое помещение мгновенно наполнилось людьми: прибежала запыхавшаяся Ацила, а за Мэн Хуанем тенью следовал Цино.

Войдя, офицер на миг замер, борясь с внутренним противоречием: с какой стати ему беспокоиться о жизни какого-то ханьца? Но, взглянув на постель, он вновь ощутил странный укол беспокойства. Сун Чжи выглядел жалко: бледная кожа пошла багровыми пятнами, лоб блестел от холодного пота, а сам он мученически нахмурился.

— Сун Цзилань? — негромко позвал Мэн Хуань.

Больной лишь беспокойно шевельнул рукой, не приходя в сознание. Мэн Хуань коснулся его

лба — жар был поистине пугающим. Офицер поджал губы и резко обернулся к Цино:

— Ты ведь провожал его вчера. Он уже тогда был таким?

Цино выдавил виноватую улыбку. Он заметил вчера, что пленника знобит, но не придавал этому значения. Кто же знал, что тот свалится в горячке? К тому же вчера господин, казалось, готов был его на месте прибить.

— Было... немного, но я не думал, что это серьезно.

— Идиот, — холодно бросил Мэн Хуань. Цино вздрогнул. — Живо веди Пэй Я.

Слуга со всех ног бросился выполнять приказ. Чомань, заметив, что он не на шутку разгневан, робко потянула его за рукав:

— Хацзиэр...

Мэн Хуань подавил вспышку непонятной ярости и смягчил тон:

— Иди поиграй. Тебе оставили кроликов, я скоро приду.

Сайянь тоже потянула госпожу за руку, шепча:

— Идемте, госпожа. Вам не стоит здесь находиться.

Чомань нехотя кивнула, но напоследок спросила:

— Ты пойдешь со мной?

— Позже. Иди, — Мэн Хуань мягко, но решительно высвободил руку.

Когда девушки ушли, он снова дотронулся до лба Сун Чжи и велел Ациле:

— Принеси воды. Нужно сбить жар.

Девушка быстро исполнила поручение. Она умела ухаживать за больными: смочив полотенце, она принялась бережно обтирать лицо и руки Сун Чжи.

Вскоре слышались торопливые шаги. Цино привел лекаря — ханьца лет пятидесяти. Увидев

Мэн Хуаня, тот низко склонился:

— Травник приветствует офицера Мэна.

Мэн Хуань нетерпеливо махнул рукой:

— Оставь церемонии. Смотри, что с ним.

<http://bllate.org/book/17487/1695167>